

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: «СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ» ДОСТОЕВСКОГО ПО-ШВЕДСКИ

Д. Лундبلاد

*Научные руководители: И.Б. Паперно,
профессор (Калифорнийский университет);*

*А.В. Подчиненов,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Начнем с установления ценности перевода «Сибирской тетради» (СТ) на шведский язык. Во-первых, это необходимо с научной точки зрения, поскольку эти записки Достоевского до сих пор мало изучены [Владимирцев, Орнатская 1985]. Во-вторых, с переводческой точки зрения, СТ имеет прямую прикладную значимость: впоследствии более точно можно будет переводить постсибирские произведения Достоевского, поскольку в них обильно присутствуют цитаты из СТ [Вайнерман 1991].

Рукопись СТ, черновой автограф без заглавия и даты, представляет собой самодельную тетрадь, сшитую из листов простой писчей бумаги. В ней 486 пронумерованных записей, сделанных чернилами. Цифра эта не вполне соответствует фактическому их количеству: в двух местах счет нарушается; некоторые записи пронумерованы дважды, например, запись № 375. Отдельные записи и позднейшие дополнения вписаны между строками или на полях. Много подчеркиваний, правок (в виде зачеркиваний, исправлений, дополнений и т.п.), рисунков. Это говорит о том, что Достоевский многократно возвращался к СТ. К цитатоподобным творческим заимствованиям из текстов СТ Достоевский прибегал около 600 раз в своем творчестве, при этом две трети не отмечено в комментариях тридцатитомного собрания сочинения Достоевского [Достоевский 1985: 310-321]. Почти половина таких случаев падает на «Записки из Мертвого Дома».

Основные художественные произведения Достоевского переведены на шведский язык, хотя есть исключения – несколько небольших по объему произведений, например, один из ранних рассказов «Слабое сердце». Хуже обстоят дела с публицистикой и записками, которые, на первый взгляд, не имеют весомого самостоятельного значения.

Одна из особенностей СТ, осложняющих перевод, заключается в ее структуре. СТ состоит из маленьких отрывков, крайне разнообразных по своему характеру: полудневник интимного характера, лексические заметки, словотолкования, притчи, трагические события и факты, пословицы с поговорками, денежная тема, «пьянственное» балагурство, речевой этикет, демонология народа, философские раздумья, письма,

прозвищное творчество, ругательная «диалектика», романические истории, «женский вопрос», назидательные размышления, литературные планы-наброски, веселая и грустная ирония, религиозные мотивы [Достоевский 1997: 769-770]. В записях представлены почти все формы малых жанров фольклора: присловья, поговорки, пословицы, фразеологизмы, шутки, песни и сказки, проклятия, народные плачи и, кроме того, различные фрагменты диалогов, записанные вне их контекста. Непросто было прояснить смысл многих выражений фразеологического, диалектологического характера из тетради Достоевского, понять логику народной этимологии при искажении слов из немецкого, польского, еврейского, татарского, украинского языков. Поэтому было необходимо разобраться в них, понять их русские значения перед тем, как перевести их на другой язык, что можно назвать своеобразным «переводом с русского на русский».

Первоначально перевод СТ осуществлялся по XXVIII тому Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в тридцати томах [Достоевский 1985], но впоследствии возникла потребность еще раз тщательно пересмотреть перевод и, в некотором смысле, еще раз перевести СТ, опираясь на III том Полного собрания сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации под редакцией профессора В.Н. Захарова [Достоевский 1997], поскольку в нем содержатся не только заново выверенный текст СТ, но и подробные комментарии ко всем записям без исключения.

Первый этап работы – это обнаружение устойчивых выражений и фразеологизмов, имеющих прямые шведские эквиваленты.

Например, запись № 27, содержащая фразеологизм: «Пришлось зубы на полку положить» [Достоевский 1997: 8], имеет прямой смысловой вариант по-шведски – «Man blev tvungen att suga på gamarna» (что, в свою очередь, можно перевести на русский язык как «Пришлось сосать лапу»). Подобные записи существенно облегчали работу над переводом.

Проблема возникла с переводом рифмованных записей. Там, где это оказалось возможным, рифма была сохранена. Например, запись № 383 «А уж мне, известно: и первая чарка, и первая палка» [Достоевский 1997: 29], была удачно переведена как «Jag har minsann känt på både det första vinglaset och det första käppslaget» (буквально: «Я же почувствовал и первый бокал вина, и первый удар палки»). Таким же образом из записи № 347 «Бей крепче, будет мельче» [Достоевский 1997: 26], по-шведски получилось «Slå hurtigare så blir det futtigare». Еще пример – запись № 154 «Прежде Ваня огороды копал, а нынче Ваня в воеводы попал» [Достоевский 1997: 16], где при переводе удалось сохранить рифму варианта общерусской пословицы, при этом смысл остался тот же, что в оригинале: «Förut grävde Vanja i grönsaksland, nu har han hamnat i

härförarnas band». Однако подобных записей, для которых удалось найти почти точные шведские варианты с созвучием или перевести с рифмой, немного.

Гораздо чаще приходилось сталкиваться с проблемой выбора: руководствоваться тем, чтобы сохранить исходный порядок слов и изначальное построение предложений в переводах записей из СТ, или ориентироваться на особенности разговорного стиля шведского языка, привлекая шведские фразеологизмы и диалектизмы? Работа над переводом СТ показала, что второй путь более плодотворен.

Приведем несколько примеров. Запись № 39 «Варнак, варначий сын, поселской сын, сильно-каторжный» [Достоевский 1997: 9], удалось перевести как «Varnak, varnaks son, landsförvisad son, alltförvisad straffänge» исключительно благодаря комментариям, объясняющих значения этих слов. Слова «варнак» и «варначий сын» в узком значении на Урале и в Сибири – каторжный; в более широком и бранном – сосланный в Сибирь, беглый, бродяга, уголовник. Слова были переведены буквально, поскольку соответствующих слов на шведском языке нет. «Посельский сын» – сосланный на поселение в Сибирь; сын ссыльнопоселенца, – выражение было переведено по смыслу как *landsförvisad son*. В последней части записи видим каламбурно переделанное слово: *сильнокаторжный*, что значит «ссыльнокаторжный», приговоренный к каторге и ссылке. В переводе переделка слова *ссыльно* в *сильно* условно перевелась по аналогу *lands* в *allt* как *Alltförvisad straffänge*.

И в других записях встречаем игру слов, как, например, в записи № 143, «“Которой губернии?” – “Да у нас не губерния, а уезд. А ездил-то брат, а я дома сидел, так не знаю»» [Достоевский 1997: 15]. Данную запись не удалось перевести дословно, поэтому пришлось пойти на следующий компромисс, сохранив шутку, которая, как нам кажется, в этом случае важнее буквального перевода: «“Från vilket guvernement?” – “Nej, hos oss heter det inte guvernement, utan förvaltningsområde. Och det var min bror som förvaltade, jag satt hemma så jag vet inte”». Вместо «уезд» было использовано слово *förvaltningsområde*, что можно перевести по-русски как «область, над которой есть управление», а вместо «ездил» глагол *förvaltade*, (однокоренное с существительным, как и в записи подлинника), что обратно на русский переводится как «управлял».

Еще можно отметить запись № 79, представляющую собой особый интерес как для шведского исследователя, так и для простого шведского читателя: «А я то куражусь, рубаха на мне красная, шаровары плисовые, лежу себе как этакий граф Бутылкин, и финозомия выражает, – ну, т.е. пьян как швед, чего изволите?» [Достоевский 1997: 11]. Запись переведена как «Jag sätter mej minsann på höga hästar, i min röda skjorta och med vida

sammetsbyxor, här ligger jag själv precis som den där grafen Flasksson, vilket är precis vad mitt aksinte uttrycker – då så, d.v.s. full som en svensk, vad får det lov att vara?» Слова *граф Бутылкин* были переведены как *Grafen Flasksson*: к значению слова «бутылка», что по-шведски *flaska*, добавлен обычный для шведских фамилий суффикс *-sson*. *Финозомия*, искаженный вариант слова «физиономия», лицо, было переведено как *aksinte*, что является искаженным вариантом шведского слова *ansikte*, означающего «лицо». Выражение «пьян как швед» перевелось дословно, несмотря на то что «швед» в псковских и тверских говорах значит швец, портной.

В СТ есть ряд записей, которые перевести адекватно очень сложно, почти невозможно, и поэтому необходимо считать их переводы условными. Например, запись № 137 «Остолоп! Никакой фартикультяпности нет!» [Достоевский 1997: 15]. Слово *фартикультяпность* диалектное, широкого ареала, имеющее самостоятельное лексическое значение. По данным картотеки Словаря русских народных говоров (Санкт-Петербург), *фертикультяпный*, *фе(о)рткультяпистый* – ‘сделанный хорошо, с соблюдением всех форм, требуемых приличием и искусством’. Производные: *фертикультяписто сделано* – ‘ладно, хорошо’; *нефертикультяпно* – ‘нехорошо’; *нефертикультяпистый* – ‘несуразный, нескладный (с иронией и насмешкой)’. Запись «фартикультяпности нет» значит, что отсутствует приличная форма и должный вид. Запись переведена как «Pundhuvud! Ingen formfullkomlighet alls», и слово переведено условно как «форменное совершенство».

Не сразу был найден правильный перевод записи № 420, «Взьерепенинов» [Достоевский 1997: 31]. Однако после выяснения значения начального слова, переделанного в фамилию, удалось сделать следующий условный перевод: «Tilltufsadsson». Глагол *взьерепенинуть* значит ‘взьерошить, взбить, всключить; больно высечь’. Перевод был сделан по прилагательному *tilltufsad* («взьерошенный») с добавкой широко распространенного суффикса для шведских фамилий.

Перевести СТ без подобного сотворчества переводчика с автором невозможно. Во время работы над переводом непрестанно возникали и потребность, и необходимость не только перевести с одного языка на другой, но и глубоко задумываться над записями и понять не только их смысл, но и способ передачи данного смысла. Творческий подход к содержанию отдельных слов и выражений отражается в записях шведского перевода, что, однако, не лишает их точности и осмысленности. Например, запись № 330 «А это они меня там набухвостили (наказали, наклеветали, наврали)» [Достоевский 1997: 25] была переделана как «Och det var där dom som dunssvansade (förtalade, baktalade, beljög) mej». Перевод глагола *набухвостили* сделан «по-

творчески» как *dunssvansade* по двум имеющимся в нем словам: «бух» (*duns*) и «хвост» (*svans*), поскольку писателем даны синонимичные глаголы в скобках: *förtalade* ‘наказали’, *baktalade* ‘наклеветали’ и *beljög* ‘наврали’.

И последний пример: «излюбленная» Достоевским запись № 434, «Морген-фри, нос утри» [Достоевский 1997: 31], переведена как «Morgen früh, torcka av näsan». Это прибауточная поговорка с балагурной языковой игрой. *Морген-фри* – от немецкого *morgen früh*, что значит «ранним утром». Закреплению иноязычного, макаронического материала в русской поговорке, видимо, способствовали элементы речевого созвучия: *морген* с «моргнуть», «морг», «моргун»; *фри* – с «три», «утри». В шведском переводе немецкое выражение оставлено на немецком языке, поскольку оно в подлиннике не переведено на русский язык. К сожалению, не удалось сохранить рифму.

Разумеется, можно привести еще много примеров из СТ и сравнить их со шведским переводом, но, думается, все вышеизложенное сумело дать краткое представление о трудностях, которые возникли при переводе.

Список литературы

- Вайнерман В.С. Достоевский и Омск / В.С. Вайнерман. – Омск : Омск. кн. изд-во, 1991. – 125 с.
- Владимирцев В.П. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / В.П. Владимирцев, Т.И. Орнатская. – Красноярск : Красноярск. кн. изд-во, 1985. – 111 с.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 28. – Кн. 1. – Л. : Наука, 1985. – 552 с.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Канонические тексты / Ф.М. Достоевский. – Т. 3. – Петрозаводск : Изд-во Петр. гос. ун-та, 1997. – 912 с.

РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА

Е.В. Лукина

Научный руководитель: Е.В. Коняева,
старший преподаватель (УрФУ)

Предпереводческий анализ играет очень важную роль в работе каждого переводчика. Только проанализировав текст, найдя все самые главные особенности текста, переводчик сможет осуществить правильный, точный перевод.

Перед началом работы переводчик с помощью анализа текста должен установить, какой из видов текста ему предстоит переводить. Точно так же и при оценке перевода, прежде всего, необходимо получить ясное